

Н. В. Цымбалистенко

НЕВЕРОЯТНОСТЬ ТРЕХ МИРОВ АННЫ НЕРКАГИ: АДАПТАЦИЯ НЕНЕЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ К СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

По данным ИНПО МО РФ, дети коренных народов Севера отстают в своем развитии от сверстников. Успешно заканчивают 10–11 классы только 50 % поступивших в школу. Главная причина отставания детей Севера в том, что их «понятийный аппарат» не всегда бывает подготовлен для восприятия современных школьных программ и учебы в старших классах. Сложившаяся система образования для детей коренных народов Севера в условиях интернатской среды «вырывает» их из комфортной этнической среды и в то же время затормаживает процесс адаптации выпускников в современном социуме. В результате — низкая социализация северян в современных социально-экономических условиях, нежелание выпускников школ, учреждений профессионального образования возвращаться в свое семейно-родовое стойбище, заниматься традиционными видами национального промысла, тем более современным ведением хозяйства, предпринимательской деятельностью в условиях тундры, маленького поселка. Вырванные из родной стихии семьи, кочевья, традиционной национальной культуры, дети обычно забывают язык, культуру, теряют способность полноценно жить в тундре, в чуме, утрачивают трудовые навыки занятий оленеводством, рыбной ловлей, охотой. Процент брошенных детей молодыми мамами из числа коренных малочисленных народов Севера неуклонно растет. Нередки случаи и передачи ребенка в стойбище, дедушке и бабушке, на время «устройства» личной жизни в поселке. Но зачастую личная жизнь не устраивается. Ребенок отрекается от матери и остается с бабушкой навсегда. Поэтому в настоящее

время некоторые родители кочующих семей не желают отдавать своих детей на обучение в интернаты, нарушая тем самым «Закон об образовании».

В целях обеспечения доступности начального общего образования без отрыва детей от родителей (из числа коренных малочисленных народов Ямала, ведущих совместно с родителями кочевой или полукочевой образ жизни) образовательный процесс может быть организован в местах их кочевий. Для проведения этого эксперимента департамент образования ЯНАО в 2013 г. приобрел два комплекта оборудования для кочевых школ «Фактория». В мобильный комплект входят снегоход и оборудование «кочевой учитель»: ноутбук, антивандальный чемоданчик и генератор для выработки электроэнергии. У кочевого учителя и воспитателя будет необходимое программное обеспечение и пособия для детей, которые разрабатываются региональным Институтом развития образования. В настоящее время в кочевой школе Анны Павловны Неркаги (фактория Лаборовая Приуральского р-на) обучаются 19 человек. Обучение ведется с учетом национального календаря.

Автор и руководитель эксперимента А. П. Неркаги, идейный вдохновитель и этнопедагог школы, апробирует новую, альтернативную северную региональную модель школы образования, развития и трудового образа жизни в условиях кочевья. Результаты эксперимента доказывают, что образование и воспитание детей, принадлежащих к определенному этносу, успешнее происходят на основе диалектического усвоения, осознания учеником единства: семья — часть рода, род — часть этноса, этнос — часть народов Ямала, часть северных народов — составная часть Большой Арктики и мировой цивилизации. Это позволяет выпускнику выбрать правильный путь: продолжить привычное кочевое хозяйство в тундре, поступить в вуз и применить свои знания в качестве преподавателей в Лаборовской школе или остаться в городе, поселке, приобретя понравившуюся профессию. Не возникает, таким образом, никакой дискриминации малочисленного коренного населения. Ребенок оказывается в ситуации свободного выбора дальнейшего жизненного пути. Школа с таким содержанием

профессионально ориентирует ребенка, уберезет его от неудачной апробации жизненного пути, что порой «ломает» подростков и приводит к занятиям проституцией, наркомании, токсикомании и алкоголизму. Таким образом, выигрывает ребенок, а также общество и государство в целом.

Традиционными в школе стали уроки нравственного развития и истории родного края на природе. Это прогулка «К друзьям-деревьям», уроки-сборы «Дары природы (тундры)», сбор мха (для хозяйственных целей). Уроки-поездки: «Мраморная гора», «Озеро Щучье», «Нытырма Седа», уроки-обряды: «У озера», «Единственное дерево». Во время касланий Анна Павловна не только знакомит ребят с родным краем, но и преподает им спецкурс «Фольклор и мифология ненцев». На этих уроках всегда поднимаются глобальные экзистенциальные проблемы — проблемы жизни, смерти, долга. Ребята во время этих походов учатся самостоятельности, приобретают определенные навыки, закаляются физически. С этой целью на базе школы было создано этнопедагогическое стойбище, которое находится непосредственно в той среде, в которой большинству учащихся предстоит провести всю свою жизнь. На этом стойбище учащиеся занимаются по трем программам: «Будущие оленеводы, или Жизнь в дороге предков», «Женщина — хранительница очага», «Выживание в тундре в экстремальных условиях (жизнь в лесу)». Все три учебные программы созданы Анной Павловной Неркаги. Для занятий по первой программе при помощи департамента образования ЯНАО закуплено небольшое стадо оленей и выделено три ставки пастухов-наставников. Ученики, обучающиеся по программе «Жизнь в дороге предков», обеспечены нартами, упряжью, национальной одеждой, биноклями, чумами и т.д. Необходимость функционирования последней программы обусловлена тем, что все большее количество ненцев на Ямале лишается оленьих пастбищ (нефтяные и газовые разработки, уничтожающие ягель; пересекающиеся места касланий и т.д.). Чтобы выжить, они должны освоить профессии рыбаков, охотников, изготовителей нартов, пряжи и др. Девочки заняты пошивом, выделкой оленьих лап, шкур, ремонтом нюков, зимних и летних, заготовкой дров. Дети

под руководством этнопедагогов учатся обслуживать себя, семью; отрабатываются правила поведения в тундре в экстремальных ситуациях. В настоящее время семья Анны Павловны Неркаги (род «негнущихся» — так переводится ее фамилия) насчитывает около ста человек

Творческая эволюция авторской школы Анны Неркаги — от социально-политической утопии XX в., выраженной в ее повестях, к постижению исконных, первичных основ народной мудрости. Этот процесс представляется вполне закономерным и обоснованным в контексте истории и культуры ненецкого народа. Попытки перескочить через какие-либо этапы развития общества, ускорить естественный ход событий приводят лишь к большим потерям. Именно об этом — последняя повесть Анны Павловны «Молчащий». Вначале она называлась «Скопище». Тюменский литературовед В. А. Рогачев назвал ее северным Апокалипсисом. Сама Неркаги признается, что для нее эта повесть — «пятнадцатилетний путь к Господу... 15 лет невероятных нравственных страданий...» [Неркаги 1996: 408]. «В то же время ей бывало жутко, когда она задумывалась “дьявол или Бог мной руководит, сказать не могу”... Я вижу впереди крах... В нас начала гнить душа» [Там же: 232]. Потерю души она ассоциирует с потерей ненцами оленей. Большую вину испытывает Анна перед своим народом. Работая в управлении по культуре в Тюмени, она пыталась убеждать сородичей, что им надо иметь не более 70 оленей. И только через много лет, вернувшись в тундру, она убедилась, что своими заявлениями обрекала на голодную смерть многие тундровые семьи. Она поняла, что для пристойной жизни необходимо иметь не менее 200–300 оленей. Согласно древнему поверью, семья должна иметь ровно столько оленей, сколько сабака может собрать и пригнать к чуму.

Писательница склонна возлагать вину за трагедию спившегося, потерявшего оленей, безработного поселкового населения на интеллигенцию, частью которой когда-то была она сама. «Их слепота, трусость, их чисто мышьяная философия (вода, если разольется, разрушит чужую, соседнюю норку, но никак не мою) привели к нынешнему состоянию нации, обезобразив ее до не-

узнаваемости» [Там же: 238]. Вину за драму своего народа она с себя не слагает. В 1970-е годы у нее, юной ненки, которой предрекли скорую смерть от туберкулеза, вдруг проявился замечательный писательский талант. При поддержке секретаря Тюменской писательской организации Константина Логунова одна за другой публикуются ее книги. Впереди писательская слава и признание обществом. Режиссер Евгения Головня, снявшая фильм «Неркаги», за который она получила Гран-при на фестивале «Радонеж», пишет: «Однажды, когда она стояла на балконе пятого этажа своей квартиры, а внизу сновали маленькие фигурки прохожих, Анна вдруг подумала, как ничтожны в своих помыслах все эти пигмеи, в сравнении с ней, с ее даром и талантом писателя» [Ким 2013: 5].

По ее словам, за эти мысли ей пришлось жестоко поплатиться. Это она поняла намного позже, когда жизнь нанесла ей ряд сокрушительных ударов. У нее умерла мать, погибла Таня, которую она безумно любила как своего, а не удочеренного ребенка, не ладилась отношения с мужем-оленоводом. Она забыла свой язык, не умела поставить чум, выделывать шкуры, сшить из них красивую ягушку. Всему приходилось учиться заново. И ее осенило, что все эти беды даются ей неспроста. Что за все надо платить — и она расплывается за свой дар. «Творчество — это зло» — с таким окончательным выводом она решила навсегда покинуть город и вернуться к своим каслающим ненцам на фабрику Лаборовая Приуральского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Примечательно, что сами ненцы, за редким исключением, произведения Анны Неркаги не читают. Ее дальняя родственница из Байдарацкой тундры, Ольга, на вопрос «Читают ли ненцы повести Анны Павловны Неркаги?» отвечает: «Если попадается интересная книга, читаем, а Неркаги про нас пишет. Мы все это и так знаем». Таким образом, глубокий философский подтекст произведений Анны Неркаги остается недостижимым для многих ее соотечественников.

Основа воспитания детей для Неркаги — исторически жесткая народная ненецкая педагогика. Один из основных принципов — повиновение воле родителей, даже в выборе спутника

жизни и будущей профессии. «Ослушаешься моей воли — уйдешь, на помойке в большом городе помрешь, прокляну и лишу наследства» [Там же: 6]. Наследство — это, как правило, олени, чум, бытовая утварь. У Анны уже все решено заранее. Кто-то будет олениводом, кто-то — священником в храме (Артемий в 10 лет уже ведет службу в храме, который они всей семьей построили на этностойбище в предгорьях Уральских гор, в святом для ненцев месте). Апошка женился и учится на юридическом в Столичной финансово-гуманитарной академии, сын постарше учится в Санкт-Петербурге, Аленка вышла замуж за русского парня, который принял кочевую жизнь и, имея высшее техническое образование, мечтает учиться вместе с женой в Ямальском многопрофильном колледже. После учебы они все обязаны вернуться в Лаборовую, в свою большую семью, которая насчитывает уже более 100 человек. Анна Павловна жестко выстраивает альтернативную Скопищу модель жизни. Скопище — это часть ненцев, которые приняли новую власть и получили от нее некие блага. Писательница с горечью пишет об утрате национальной идентичности народа. «В самом Скопище скопийцы не помнят ни первого дня свободы, ни последнего. Они родились рабами. Их отцы и матери открыли глаза уже в Скопище и не знают ни оленей, ни длинных песен, ни вольных кочевий. Первое и последнее, что видели и познавали они всю свою жизнь, — Скопище и в нем таких же, как они, нищих, вечно голодных, озлобленных скопийцев [Неркаги 1996: 124]. Поэтому она вырывает своих детей из Скопища, ненавязчиво знакомя их с мудрыми ненецкими пословицами:

Жизнь — не малица. Жизнь одна, и нельзя ее заменить на новую [Там же: 177].

Мужское достоинство — не табак: в кармане не спрячешь. По шепотке не выдашь. Его всегда видно. В голосе, в глазах [Там же].

Я человек, живущий на нарте Времени [Там же: 59].

Ребенок рождается в страданиях матери, а истина — в страданиях души [Там же: 79].

Живи, да смотри: о себя не споткнись! [Там же: 58].

Режиссер Александр Богатырев, в 1988 г. снявший фильм о семье Неркаги, описал мистические видения, которые ее часто посещают. «Огромный и страшный зверь убивал и пожирал людей. Зверь — это образ жестокого мира. В нем вряд ли смогут жить дети, воспитанные на законе Любви» [Богатырев 2012: 10].

В то же время Анна Павловна с ее язычески-мистическим восприятием мира — яркий проповедник христианства. Утром ненец (по ее словам) выходит из чума в мир Божий, как в Церковь. Благодарит Бога за еще один дарованный ему день. Благодарит за пищу, за огонь, на котором ее приготовил, за созерцание красоты, которой Создатель окружил его, за оленей, за рыбу в озерах и реках, за детей, за жену и родителей и за самого себя, получившего безо всякой платы преизобильно много всего нужного для жизни...» Здесь Божье время. Солнце встало — ненец встал. Солнце село — ненец отдыхает. В тундре не увидишь человека, глядящего на часы. Здесь для чуткого сердца уже наступила вечность и человек живет в радости постоянного богообщения [Там же: 7]. Для Анны «сиротство — это ад». Поэтому своих усыновленных детей она называет «Христовыми детьми», живущими на Земле Надежды. Ведь и многие ненецкие поговорки, по сути, абсолютно христианские. Александр Богатырев назвал Анну Неркаги апостолом тундры, но в фильме «12 апостолов», который мы сняли вместе с режиссером Валерием Крыловым, Анна называет себя мессией, а первых усыновленных детей — двенадцатью апостолами. Может быть, это и так, ведь присланный в Лаборовую русский священник не выдержал трудностей тундровой заполярной жизни и уехал. Анна не смогла понять причин его поступка: «Он ведь монах. На нем благодать. И он должен чувствовать, что здесь сугубое присутствие Духа Божьего» [Там же: 10].

Один из афоризмов Анны Павловны: «Женщину может поставить на место только семья». Выйдя замуж за Александра, Анна несколько лет ждала появления долгожданных детей. Но этого так и не случилось. И тогда она спросила у свекра, за что ей такая божественная немилость.

— А ты помнишь, что ты натворила? — спросил тесть.

Она помнила. Однажды, рассердившись на мать мужа, она принесла икону Николая Угодника, которой та их благословила, и швырнула на пол, на место, считающееся нечистым.

— Вот, за это ты и наказана, — сказал тесть.

— А что же делать, чтобы заслужить прощение?

— Принести жертву и усыновить оленя. Господь посмотрит, какая ты будешь оленю мать. Может, и смилуется. И даст тебе ребеночка.

Анна попросила сделать все, что положено. Зарезали оленя. Его кровью помазали оскверненную икону. Затем помазали жертвенной кровью новорожденного олененка и нарекли его ее сыном, дав ему имя Хуречек» [Там же: 7–8]. Хуречек следовал за своей мамой по пятам всю свою долгую жизнь. С его помощью Анна Павловна собирала по тундре оленят, оставшихся без матери, и выхаживала их. Теперь жизнь Анны посвящена десяткам сирот, которых бросили их «матери-кукушки». Она называет их тоже «детенышами», только человеческими.

Почти все ее дети обращены в православную веру, хотя они удивительнейшим образом параллельно привержены своим языческим традициям. Кстати, настоятели ямальских храмов считают, что многовековой опыт приобщения северных народов к христианской религии показал, что принятие православной веры не только не противоречит, а, наоборот, способствует сохранению их традиционного образа жизни. Православие как религия понятна тундровым и таежным жителям, она близка их мировоззрению и не требует изменения кочевого образа жизни.

Анна Павловна, чтобы содержать и обучать своих детей, воплотилась в ямальскую бизнес-леди, вместе с мужем и детьми на фактории Лаборовая содержит магазин, который обеспечивает всем необходимым оленеводов Байдарацкой тундры. Несмотря на трудности (200 км труднопроходимого тундрового пространства), она старается завезти в магазин всё, кроме водки. Она — великий борец с этим российским недугом. На ее фактории никто не пьет, иначе сразу же лишится хорошо оплачиваемой работы.

«Одна из причин острой демографической ситуации среди коренных народов — растущий алкоголизм». Комитет по делам

Севера и малочисленных народов Совета Федерации Федерального собрания РФ отмечает, что за последние десять лет произошел почти двадцатикратный рост алкоголизма среди коренных малочисленных народов, в основном из-за роста потребления алкоголя среди женщин и детей.

Сообщается и о причинах алкоголизации коренного населения: распространение алкогольной продукции, бесконтрольный завоз и продажа алкоголя на Севере, отсутствие доступа к природным ресурсам для рыболовства и охоты и возможности найти другую работу [Отчет...: 17–18].

Владимир Таякин в книге «Записки провинциального хирурга» пишет о Ямале: «Дело было в том, что в наше “великое” советское время в магазинах факторий полки были забиты в основном спиртными напитками и хлебом. Спиртное перли на Север всеми видами транспорта в огромных количествах: Баржами, пароходами, самолетами, машинами... Как-то помню, в каком-то порту торчим мы с ящиками донорской крови на трескучем морозе и не можем доставить этот живой груз туда, куда надо (весь транспорт занят!..), а на наших глазах загоняют в “Руслан” огромный рефрижератор, набитый до краев водкой!..

Наши медики столкнулись с ужасающей ситуацией, когда коренные роженицы рожали готовых алкоголиков. Некоторые из новорожденных погибали от синдрома отмены (от ломки!), если новорожденному не покапать спирт внутривенно!!! Вот так! Бедные наши судмедэксперты ломали голову — в какую рубрику относить в отчетах смерть младенцев от алкоголизма. Статистики такой не было, да и сейчас нет, хотя медицинская практика подбрасывает порой рецидивные случаи синдрома отмены» [Таякин. 2008: 34].

Три мира Анны Павловны слились воедино: ортодоксальное христианство, языческое стремление вернуться в прошлое, к своим историческим корням, традиционной культуре ненцев-оленьеводов, и жесткий российский бизнес рождают новую личность. Ведь не случайно Ульяна Ким назвала свое интервью «Анна Неркаги — это явление миру Личности». Автор кандидатской диссертации «Этничность как свойство культуры» Н. И. Величко

доказывает, что «сохранение традиционной культуры сегодня означает не культурную реанимацию, не возврат к архаическим принципам жизнедеятельности и мировосприятия, а скорее, адаптацию к современной социокультурной ситуации, сохраняющую основные, базовые ценности этносоциальной общности, которые имеют не только локальную, но и российскую, и мировую значимость» [Величко 2011: 8].

Деятельность Неркаги, ее непримиримость часто порождают ненависть и неприятие соплеменников, вызывая у них чувство зависти.

В настоящее время в Приуральской тундре завершились съемки художественного фильма на ненецком языке «Белый ягель» по одноименному произведению Анны Неркаги (автор проекта — Владимир Меньшов, лауреат премии «Оскар», режиссер — Владимир Тумаев, автор сценария — Валерий Баранов). Впервые этот российский фильм получил приз зрительских симпатий на 36-м Московском международном кинофестивале. На 2-м Якутском международном фестивале (20–24 августа 2014 года) оператор Дмитрий Кувшинов был удостоен приза имени оператора Иннокентия Аммосова. Специальным призом жюри за пристальный взгляд на природу и человека Арктики был награжден режиссер Владимир Тумаев. 7 сентября 2014 года на конкурсе зрительских симпатий «Арт-линия» XII Московского фестиваля фильм получил приз и диплом как лучший полнометражный фильм.

«Теперь отчетливо вижу путь, лежащий передо мной, и, естественно, он не розами усыпан. Но это мой путь. Отступление от него чревато непоправимыми последствиями в этом мире. И там, где предстоит нам вечное творчество и любовь.

Не творить — нет худшего наказания.

Не любить — нет горестней участи.

Я стою в начале. Только в 45 лет поняла, что стою в начале Того Единственного пути, который мне предначертан. И что в жизни кончилось мое личное время и началось другое. Богово. Ни один момент его не принадлежит мне. И не может быть потрачен по моей воле, но по воле Отца Вечного» [Неркаги 1996: 10].

Библиография

Богатырев А. В. Анна Неркаги — апостол тундры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Radonezh...ytic17380.html> (дата обращения: 11.12.2012).

Величко Н. И. Этничность как свойство культуры (на материале традиционной культуры хантов): автореф. канд. дис. СПб., 2011.

Ким У. Режиссер Евгения Головня: Анна Неркаги — это явление миру Личности // Великая эпоха (The Epoch Times) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.epochtimes.ru/content/view/71448/54> (дата обращения: 06.05.2013).

Неркаги А. П. Молчащий. Тюмень, 1996.

Отчет Ассоциации КМНС Севера, Сибири и Дальнего Востока при содействии Института экологии и антропологии (Кельн, Германия). Совету ООН по правам человека 9 октября 2012 — сессия апрель–май 2013 г. // Мир коренных народов. Живая Арктика: альманах. 2012. № 28. С. 17–18.

Таякин В. Ф. Записки провинциального хирурга. Салехард, 2008.

Цымбалистенко Н. В. Север есть Север. Исторические судьбы коренных народов Ямала в литературном освещении. СПб., 2003.

Abstract

Adaptation of Nenets intellectuals to modern social and cultural situation, risk areas (improbability of three worlds of Anna Nerkaгы). According to the statistics children of indigenous peoples of the North are lagging behind their peers. Only 50 % of schoolchildren complete 10–11 year successfully. The main reason of it is that their “conceptual framework” is not always prepared for the perception of the modern school curriculum. In order to ensure access to primary education without separating children of indigenous peoples of the North from their parents (children from nomadic or semi-nomadic families) educational process can be organized right where they nomadise. At the present time 19 children are enrolled in a nomadic school of Anna Pavlovna Nerkaгы (factory Laborovaya, Priuralsky area). Anna Pavlovna Nerkaгы is the author and head of the experiment. Three worlds of Anna Pavlovna merged: orthodox Christianity, pagan desire to return to the past, to historical roots, to traditional culture of the Nenets reindeer herders and Hard Russian business give birth to a new identity.